
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 340.1
ББК 67.0

DOI 10.22394/1682-2358-2023-4-80-87

E.V. Shinyakova, post-graduate student of the Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

PLACE AND ROLE OF THE PRINCIPLE OF BONA FIDES IN LEGAL CULTURE

The principle of good faith, which goes back to Roman law, is studied. Various stages of the development of the principle are considered, the diverse definitions of parameters found in the scientific literature are analyzed. It is concluded that conscientiousness is a punitive legal transfer for risky behavior in an objective sense; in the subjective - a subjective choice when using risky behavior, in the presence of dispositive norms.

Key words and word-combinations: good faith, bona fides, principle of freedom of contract, limits of judicial discretion, criteria of good faith.

Е.В. Шинякова, аспирант Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: 89854224212@mail.ru)

МЕСТО И РОЛЬ ПРИНЦИПА BONA FIDES В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Исследуется принцип добросовестности, восходящий к римскому праву. Рассматриваются этапы развития bona fides, анализируется многообразие значений дефиниции, употребляемой в научной литературе. Делается вывод о том, что добросовестность является карательным правовым инструментом за рисковое поведение в объективном смысле; в субъективном – психологическим выбором субъекта в пользу рискованного поведения в ситуации наличия множества диспозитивных норм.

Ключевые слова и словосочетания: добросовестность, bona fides, принцип свободы договора, границы судебного усмотрения, критерии добросовестности.

Принцип свободы договора, заимствованный из римского права и составляющий значимый инструмент современной правовой культуры, не может действовать неограниченно, так

как его пределы обусловлены не только законами, но и другими правовыми критериями: «общественным порядком», «добрыми нравами» (*bonnes moeurs*) и «доброй совестью» (*bona fides*, или *Treu und Glauben*) [1].

Bona fides как интеллектуальный продукт Древнего Рима со свойственным античной правовой культуре моноистическим признаком веры *fides* и основная категория средневекового мышления рассматривалась правоведами как субъективный или психологический критерий, правило *mala fides superveniens nocet*; затем *fides Christiana*, то есть требование добросовестности и честности, ставшее основой христианской этики. Именно в период Средневековья произошло отождествление *bona fides* и *bona conscientia*, построенное на идентификации искреннего убеждения с религиозной верой. Дальнейшая трансформация данной категории связана с договорами: везде, где упоминалось понятие добросовестности, появлялся термин *equitas*, возникала тенденция приравнивать *bona fides* к справедливости. Таким образом субъективно-этический (психологический) критерий претерпел сублимацию в религиозный принцип, а затем в юридический.

Постепенно в римском праве сложился дуалистический, сохранившийся до наших дней подход к *bona fides*: субъективный и объективный. Правило правового дуализма стало частью Закона XII таблиц (IV в. до н.э., Гаи. *Inst.* 2.42-3): именно *фидес* (с лат. — «вера») связывала покровителя и клиента; наставника и подопечного, когда претор-перегрин, юрисдикция которого была основана на долге быть верным своим обещаниям (вере), при рассмотрении дел между римлянами и не-гражданами обеспечивал соблюдение контрактов, заключенных *consensus*, не требовавших дальнейшей формализации или ритуала [2].

Добросовестность в объективном смысле (*Treu und Glauben* — «честность сделки») рассматривалась «нормативно» в формулах, когда одна сторона договора требует исполнения обязанностей от другой, например, когда кредитор требует возмещения убытков (своих интересов) посредством *iudicia bona fides*, то есть действий, предусмотренных претором при нарушении должником принципа добросовестности.

Отметим, что римские юристы никогда не противопоставляли субъективное и объективное понимание *bona fides*. Анализ исторического контекста позволяет выявить, что некоторые аспекты дуалистической концепции уже имелись во второй половине XV в. в работах Франциска Аретинуса, Хуана Медины и Пьера Ребуфуса, однако только спу-

стя триста лет дуалистическая концепция, производная от римского *iūs cōmune*, приобретет ее современное значение, впервые сформулированное в монографии Карла Ф. Вехтера в 1871 г. [3, р. 856].

Средневековые юристы Бальдус и Франциск Аретинус, исследуя принцип добросовестности, отмечали двоякое значение *bona fides*: с одной стороны, ее содержание противоположно обману и мошенничеству, и в этом смысле все договоры основаны на этом принципе (вне обмана), а с другой — предельная вера как совокупность последствий, основанных на социальной справедливости, о которых стороны не договаривались ранее (*bonae fidei*) [4].

Хуан Медина, Пьер Ребуффи (Ребуффус), Дж. Паоло Массето рассматривали принцип добросовестности в разных проявлениях: в узком смысле — это мышление или вера, означающая, что кто-то думает, что обладаемая им вещь не принадлежит кому-то другому, а является его собственностью, или считает, что он является должником в определенном обязательстве; в широком смысле — это полный спектр актов, имеющих юридическое значение [4, р. 22].

По оценкам Донеллуса, юридическая концепция добросовестности основана на моральном аспекте справедливости, ей практически невозможно дать определение, так как стандарты справедливости варьируются в зависимости от точки зрения конкретного человека, однако вместе с тем каждая сторона должна принимать во внимание интересы другой, а добросовестность есть ворота, через которые моральные ценности проникают в закон, поэтому сторона договора должна делать для другой все необходимое на основании справедливости, и не следует делать того, что противоречило бы добросовестности, то есть действовать без обмана и принуждения [5].

Куюциус в комментариях к Папиниану рассматривает *bona fides* упрощенно: как долг честного человека и справедливость судьбы, причем это суть одно и то же — то, что честный человек (судья) считает таковым [6, р. 295].

В эпоху раннего модерна в начале XX в. доминировала точка зрения о синонимичности *bona fides* и *aequitas*, Так, согласно мнению Карла Генриха Эрмана, *Treu und Glauben* есть вообще не что иное, как «справедливость», «нравственные основы оборота», это «этическая сторона права», то, «на что честные и порядочные люди могут положиться в обороте»; по определению Ребейна, это основа «порядочно и справедливо думающего человека» [7].

По мере развития римского права меняется и содержание понятия *bona fides*. В разных культурах, юрисдикциях эта дефиниция получает специфическую трактовку.

Сравнительно-правовой анализ свидетельствует о неоднозначности подходов к принципу добросовестности в различных правовых порядках. Так, в странах континентальной (романо-германской) правовой системы наблюдаются истолкования рассматриваемого принципа, свойственные международной правовой системе в целом. К примеру, в Гражданском кодексе Италии «добросовестность» упоминается в положениях, связанных с договорами 1337, 1366, 1375 гг. и подчеркивается, что наличие добросовестности необходимо на преддоговорной стадии [8]. В Германии договорные обязательства подчиняются стандарту добросовестности; должник обязан произвести исполнение в соответствии с требованиями добросовестности (Гражданское уложение Германии, ст. 242) [9]. Французский Гражданский кодекс признает добросовестность как обязательное условие при исполнении договора (ст. 1134) [10]. При этом французские суды не придавали понятию *bona fides* особого значения, и развитие права шло от обратного: результаты были получены при применении теории злоупотребления правом, разработанной в конце XIX в. и основанной на добросовестности, то есть сторона злоупотребляла своими правами тогда, когда действовала недобросовестно и превышала полномочия и законные интересы. В англосаксонской правовой семье не признается и не возлагается обязанность сторон договора соответствовать стандарту добросовестности, ибо исторически сложилось, что общее право Англии не знает римского принципа добросовестности [11]. В США также не существует общей оговорки или общего принципа добросовестности, который применялся бы даже в определенной области общего права.

Развитие международного права стало одной из фундаментальных идей, положенных в основу Принципов УНИДРУА 2010 г., где установлены общие правила для международных коммерческих контрактов, а стороны обязаны действовать в соответствии с принципами добросовестности и честной сделки, не допускающей исключения этой обязанности. Ее ограничения отражены в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (п. 1 ст. 7) [12].

Заслуживает внимания точка зрения Герберта Рота, согласно которой добросовестность — это не высшая норма договорного или частного права и вообще не норма, а «рупор», позволяющий судье создавать новые правила, конкретизирующие и исправляющие нормы, закрепленные в кодексе [13].

Отечественный правопорядок характеризуется многообразием правоприменения. Принцип добросовестности в российской научной доктрине определяется как крайне эластичное понятие с присущими

ему разнообразными признаками (честность, доверие, убеждение, невинное поведение и пр.), двойственностью юридических смыслов (объективным и субъективным), имеющее не только правовую, но и этимологическую, а также морально-этическую характеристику, проявляющееся каждый раз специфически в контексте разнообразных отношений (например, вещные, отношения несостоятельности, корпоративные, обязательственные и т.д.). Добросовестность рассматривается российскими авторами в объективном и субъективном аспектах.

И.Б. Новицкий воспринимал добрую совесть как фактор, сдерживающий эгоизм: с одной стороны, как внешнее мерило или новый источник, учитываемый законом, а с другой — как субъективное неведение неких обстоятельств конкретным лицом [14, с. 15]. Л.И. Петражицкий рассматривал добрую совесть в качестве морально-этической категории, как деятельную силу — любовь к ближним, но вместе с тем и как силу, конкурирующую с эгоизмом [15, с. 4]. М. Бартошек определял добрую совесть в качестве доверия к чужой честности, сродни трактовке немецкого юриста Б. Виндшейда, определявшего ее как «честное убеждение владельца, что присвоение вещи не составляет материальной неправды» [16, с.131]. По мнению М.М. Агаркова, добрая совесть — это честность в отношениях между сторонами сделки [17, с. 375]. В контексте правосубъектности личности принцип добросовестности изучают В.Н. Бабаев, рассматривающий добросовестность как образ действия лица, характеризующегося исполнительностью [18, с. 87]; С.А. Иванова, определяющая добрую совесть как отношение лица к предвидимому вреду [19, с. 23]; Р.О. Халфина, связывающая добросовестность с субъективным состоянием приобретателя в момент приобретения [20, с. 168]; Р. Белкин, утверждающий, что добрая совесть обусловлена убежденностью покупателя в праве на отчуждение. С позиции субъективной ответственности, наличия либо отсутствия вины, проявления в каждом конкретном прецеденте категорию добросовестности оценивают Е. Богданов [21, с. 12]; С.В. Михайлов [22]. Е.А. Суханов полагает, что принцип добросовестности есть юридический инструмент, поэтому решающую роль отводит судебному усмотрению [23, с. 2].

Пласт судебной практики, где применим принцип добросовестности, сложно переоценить: в вещных правоотношениях, залоговых, обязательственных, корпоративных отношениях несостоятельности и многих других. На наш взгляд, одна из наиболее точных формулировок и толкований принципа добросовестности приведена в ст. 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятель-

ности (банкротстве)», где он рассматривается как профессиональное качество арбитражных управляющих при выборе ими управленческих решений [24].

В соответствии с постановлением Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62, в котором приводятся стандартные случаи недобросовестного поведения руководящего лица [25], и, исходя из анализа судебных решений, необходимо констатировать, что любое действие (бездействие) управляющего сторона вправе оспорить на предмет его недобросовестности, и единого стандарта оценки доказательств *bona fides* не существует, так как в подавляющем большинстве случаев судом сравниваются модели должного поведения и поведения действительного или рискованного.

В качестве наиболее распространенных примеров применения принципа добросовестности в судебной практике банкротства следует назвать сравнение моделей поведения управляющего как надлежащее добросовестное поведение: даже в ситуациях размытости содержания законного поведения суд считает его добросовестным, например, в ситуации, когда арбитражный управляющий зарезервировал необходимую сумму на счете при привлечении конкурсного кредитора к субсидиарной ответственности [26]; полное несоответствие действий стандарту поведения не рассматривается как нарушение принципа добросовестности — так, неуведомление управляющим кредиторов в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 13 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» о предстоящем собрании заказным письмом суд не счел недобросовестным поведением, хотя объективно — это стандарт поведения управляющего, мотивом такого решения суда стало отсутствие негативных последствий для кредиторов, и т.д. [27].

В результате проведенного анализа попытаемся дать собственное определение принципа добросовестности: в объективном смысле — это карательный правовой судебный инструмент в отношении лица, избравшего рискованное поведение, даже не выходящее за пределы обычной хозяйственной деятельности, и возложение ответственности в связи этим; в субъективном смысле — это психологический выбор субъекта в пользу рискованного поведения в условиях существования множественности диспозитивных норм в определенной ситуации. Поскольку субъект права добросовестно сделал выбор в пользу наиболее сложного рискованного правового пути ради достижения максимально полезных последствий и при этом с риском не справился, то в большинстве случаев суд применяет карательный инструмент — «добрая совесть». Прогностически можно предположить, что тот

же субъект впоследствии, испытывая страх наказания, более никогда не выберет ту норму, которая дает право на рисковое поведение и правоприменение, рано или поздно сместится от критерия справедливости к математическому критерию — эффективности, то есть к экономической теории анализа права, что приведет к вырождению нравственной составляющей при решении правовых ситуаций и будет способствовать замене труда юриста искусственным интеллектом в тех отраслях права, которые, в частности, тесно связаны с социальными вопросами и (или) вопросами естественных прав личности.

Библиографический список

1. *Покровский И.О.* Основные проблемы гражданского права. СПб., 1917. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_41.html#24
2. *Акимов М.А., Кожокаръ И.П., Леус В.А.* Хрестоматия по римскому праву. М., 2019. URL: <https://rimpravo.ru/Zakony-12-tablic-tablica-1#gsc.tab=0>
3. *Romisches Recht im Mittelalter.* II Die Kommentatoren. 2007.
4. *Baldus.* Commentaria omnia. Ad C. 4.10.4. Гордди n. 13. 109 f. Winkel Ratio decidendi. Кейр, 2004. URL: https://books.google.ru/books/about/Commentaria_omnia.html?id=TGvgswEACAAJ&redir_esc=y
5. *Donellus.* Opera omnia. VII.1765 (Luchetti, Petrucci (eds.) Fondamentiromanistici del diritto europeo. Le obbligazioni e I contratti dalle radici romane al Draft Common Frame of Reference, I.2010.39). URL: https://books.google.ru/books?id=3TJRAAAAcAAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false
6. *Кюяциус (Jacques Cujas).* Opera. IV.1778. URL: [https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Cujas,_Jacques_%E2%80%93_\(Opere\),_1778_%E2%80%93_BEIC_10948966.tif](https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:Cujas,_Jacques_%E2%80%93_(Opere),_1778_%E2%80%93_BEIC_10948966.tif)
7. *Budaeus.* Annotations in XXIII Pandectarum Libros. 1546. URL: <https://books.openedition.org/putc/829>
8. *Петинелли.* Добросовестность в договорном праве: два пути, две системы, необходимость гармонизации // *Diritto and Diritti.* URL: <https://www.diritto.it>
9. Гражданский кодекс Германии 1900 г. URL: https://continent-oline.com/Document/?doc_id=30005486#pos=0
10. Гражданский кодекс Франции 1804 г. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041401>
11. *Бар К. фон, Клайв Э., Шульте Х.* [и др.]. Преддоговорная ответственность и залог добросовестности. Сравнительный анализ шотландского права и с кратким рассмотрением обращения в рамках общего права и гражданских правовых систем: DCFR.2009. URL: <http://www.scribd.com/doc/104519704/Pre-contractual-liability-and-the-duty-of-good-faith-a-comparative-analysis-between-Scots-law-and-the-DCFR-with-a-brief>
12. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. UNCITRAL secretariat, Vienna International

Centre. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf>

13. *Зиберай Й.* Значение принципа добросовестности в преддоговорной ответственности // Академический журнал междисциплинарных исследований. Рим, 2013. № 481, окт.

14. *Новицкий И.Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1.

15. *Шершеневич Г.Ф., Петражицкий Л.И.* Bonafides в гражданском праве. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 5.

16. *Бартошек М.* Римское право: понятие, термины, определения. М., 1959.

17. *Агарков М.М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2002. Т. 2.

18. *Бабаев В.Н.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

19. *Иванова С.А.* Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве // Законодательство и экономика. 2005. № 4.

20. *Халфина Р.О.* Право личной собственности граждан СССР. М., 1955.

21. *Богданов Е.* Категория «добросовестность» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9.

22. *Михайлов С.В.* Значение категории добросовестности для обязательственных отношений и последствий недействительности договоров цессии // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006.

23. Интервью с доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой гражданского права, деканом юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Е.А. Сухановым // Законодательство. 1998. № 10.

24. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Российская газета. 2002. № 209–210, 2 нояб.

25. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Солидарность. 2013. № 31, 28 авг. – 4 сент.

26. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 янв. 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7, июль.

27. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 дек. 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8, авг.